Крупская
Женщина-работница

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦASS
K896

2-э
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

В. Бонч-Бруевич
А.1076
Ц А55
К 896
2-БЭЗ

…ссійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

Крупская, Н. К

Женщина-работница

Изданіе „Искры".

Типографія „Искры". Февраль 1901 года.

Ц А 55
К 896

600
30

4-1165

2010
У8г

К.
ЦА55
К896

ЖЕНЩИНА-РАБОТНИЦА.

Оглянитесь на свою жизнь, на жизнь знакомыхъ вамъ женщинъ-работницъ, и вы скажете вмѣстѣ съ Некрасовымъ: „Доля ты трудная, долюшка женская, врядъ-ли труднѣе сыскать!" Въ деревнѣ-ли, въ городѣ-ли, женщина изъ рабочаго класса — „вѣковѣчная работница". На ея долю выпадаетъ не меньше, если не больше работы, чѣмъ на долю мужчины; живетъ она въ такой же нуждѣ, не доѣдаетъ и не досыпаетъ, а горя и униженія видитъ еще больше.

У Некрасова есть стихи: „Кому на Руси жить хорошо". Тамъ женщина-крестьянка, разсказывая свою горькую жизнь, говоритъ, что одна странница ей повѣдала, „что ключи отъ счастья женскаго, отъ нашей вольной волюшки, заброшены, потеряны у Бога самого... Пропали! думать надобно, сглонула рыба ихъ... Какою рыбой сглотнуты ключи тѣ заповѣдные, въ какихъ моряхъ та рыбина гуляетъ — Богъ забылъ!" Крѣпостная женщина-крестьянка могла только жаловаться на свою долю да надѣяться, авось Богъ вспомнитъ, гдѣ запрятаны эти ключи. Фабричная работница перестала надѣяться на это, она начинаетъ, правда, еще ощупью, почти безсознательно, сама искать этихъ ключей. Гдѣ искать женщинѣ ключей отъ „счастья женскаго, отъ женской вольной волюшки", — объ этомъ и пойдетъ рѣчь въ этой книжкѣ. Мы разсмотримъ положеніе женщины-работницы: крестьянки, женщины, занятой въ кустарныхъ промыслахъ, на фабрикѣ, въ мастерской. Мы увидимъ, что положеніе женщины-работницы особенно тяжело потому, что она **работница**, потому, что она членъ рабочаго класса; увидимъ, что ея положеніе тѣсно связано съ положеніемъ рабочаго класса, и что только побѣда этого класса (побѣда пролетаріата) освободитъ женщину. Далѣе, мы разсмотримъ зависимое положеніе женщины-работнцы въ семьѣ, зависимость женщины отъ мужчины, укажемъ причины этой зависимости и покажемъ, что вполнѣ независимаго положенія она можетъ достигнуть опять-таки лишь одновременно съ побѣдой пролетаріата. Наконецъ, мы покажемъ, что, и какъ мать, женщина-работница заинтересована въ этой побѣдѣ. Лишь борясь рука объ руку съ мужчиной за рабочее дѣло, женщина найдетъ ключи отъ „счастья женскаго, отъ женской вольной волюшки".

I. Женщина, какъ членъ рабочаго класса.

Разсмотримъ положенiе женщины-работницы. Возьмемъ крестьянку. Она справляетъ всю тяжелую полевую работу, въ страду не знаетъ ни дня, ни ночи, во многихъ мѣстахъ женщина и пашетъ, и коситъ наравнѣ съ мужчиною; кромѣ того, на ней лежитъ уходъ за птицей и скотиною, домашнее хозяйство, изготовленiе одежды, возня съ ребятами, — да и не перечесть всѣхъ дѣлъ, которыя лежатъ на женщинѣ-крестьянкѣ. Особенно тяжело приходится женщинѣ изъ бѣдной семьи; къ тяжелой работѣ для нея присоединяется еще безпросвѣтная нужда, заботы, униженiя, горе. А между тѣмъ за послѣднiе годы разоренiе деревни идетъ быстрыми шагами: богатѣютъ только немногiе дворы, а остальные все больше и больше бѣднѣютъ; которые прежде средне жили, и тѣ обѣднѣли. Мельчаетъ народъ, слабѣетъ, рано старится. Что ни годъ, то больше становится дворовъ безлошадныхъ и однолошадныхъ. Теперь въ Россiи на десять миллiоновъ дворовъ насчитывается около трехъ миллiоновъ безлошадныхъ да столько-же однолошадныхъ. А какое ужь хозяйство безъ лошади или хотя бы съ однимъ конягой! Развѣ однимъ конемъ можно какъ слѣдуетъ обработать землю? Плохо обработанная, плохо удобренная земля родитъ совсѣмъ плохо. Выпаханный, истощенный клочекъ земли не въ силахъ прокормить крестьянина и его семью. Нужно достать хлѣба на прокормленiе семьи, нужно достать денегъ на уплату податей, нужда не ждетъ, и вотъ крестьянинъ оказывается въ неоплатномъ долгу у кулака, у богатаго крестьянина. Онъ вынужденъ запродавать ему свой трудъ, обязывается отработать свой долгъ. Опутанный по рукамъ и ногамъ, онъ становится своего рода батракомъ того, кто ссудилъ его хлѣбомъ или деньгами. Да и дѣйствительно, хозяиномъ остается онъ только по названiю, на дѣлѣ же онъ работаетъ на другихъ, какъ батракъ, только кормить себя и всю семью онъ долженъ самъ. И живется ему не лучше, чѣмъ батраку, питается онъ однимъ хлѣбомъ, да и то впроголодь. Постоянное недоѣданiе подтачиваетъ его силы. Семьѣ сплошь и рядомъ приходится идти „въ кусочки". По нѣкоторымъ губернiямъ чуть не каждый годъ часть семей маломощныхъ крестьянъ ходятъ „въ кусочки". Зачастую приходится сидѣть въ потьмахъ, въ нетопленныхъ избахъ... Запасовъ на черный день нѣтъ никакихъ, живутъ изо дня въ день, оттого-то всякiй простой неурожай превращается въ голодъ, въ бѣдствiе. За послѣднiе сто лѣтъ русскiй народъ перенесъ 51 голодъ, т. е. одинъ неурожай приходится у насъ менѣе, чѣмъ на два года. Голодъ становится явленiе обычное. А какiе ужасы несетъ съ собой для маломощнаго крестьянина неурожай, показываютъ голодовки послѣднихъ десятилѣтiй: полное разоренiе, цынга, голодный тифъ, голодная смерть. Голодаютъ миллiоны людей. Какова жизнь крестьянки въ такихъ бѣдныхъ семьяхъ — нечего и говорить. Въ пыли, грязи,

холоду бьется женщина-крестьянка, какъ и ея мужъ, надъ клочкомъ выпаханной земли, обязывается работой сосѣднему помѣщику, либо своему брату богатому крестьянину, бьется, чтобы достать лишній грошъ на уплату податей и недоимокъ, голодаетъ, хвораетъ съ голоду, смотритъ, какъ голодаютъ ея дѣти, — и не покладая рукъ работаетъ: какъ и ея мужъ, женщина рада всякому заработку на сторонѣ: нанимается въ поденщицы, идетъ на лѣтнія работы въ другія губерніи. Изъ тѣхъ губерній, гдѣ малы надѣлы, и изъ губерній нечерноземныхъ каждую весну двигаются десятки тысячъ рабочихъ, въ томъ числѣ чуть не на половину дѣвушекъ и дѣвочекъ-подростковъ, на югъ, въ губерніи Таврическую, Екатеринославскую, въ Область Войска Донского, на Кавказъ. Идутъ пѣшкомъ, питаются чуть не Христовымъ именемъ, скитаются изъ города въ городъ, пока не найдутъ работы. Наниматели своего не упускаютъ и всячески пользуются безпомощностью нанимающихся, особенно плохо въ этихъ случаяхъ приходится дѣвушкамъ. Изрѣдка появляющіяся въ газетахъ судебныя разбирательства показываютъ весь ужасъ положенія, въ какое попадаютъ эти ищущія работы дѣвушки.

Въ большинствѣ губерній въ деревняхъ занимаются не однимъ только хлѣбопашествомъ, занимаются еще такъ называемыми кустарными промыслами. Работаютъ у себя на дому, ручнымъ способомъ, сработанный товаръ сбываютъ большей частью скупщику. Кустарные промыслы — самые разнообразные: ткацкій, шляпочный, вязальный, гвоздарный, ножевой, замочный, самоварный, дубильный, ложкарный, телѣжный, горшечный, цвѣтильный, иконописный и множество другихъ. Въ кустарныхъ промыслахъ обыкновенно принимаетъ участіе вся семья кустаря, и женщины, и дѣти. Дѣти начинаютъ работать съ 5-8 лѣтъ. Есть и спеціально женскіе промыслы, напр., кружевной, бахромный. Часто женщины исполняютъ въ промыслѣ очень тяжелыя операціи: топчутъ глину, бьютъ шерсть, изготовляютъ гвозди, въ кузнечномъ промыслѣ случается, что женщины бываютъ молотобойцами и т. п. Заработокъ кустарей ничтожный. Такъ, кимрскіе сапожники зарабатываютъ 4-5 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, ткачи Медынскаго уѣзда Калужской губ — 10 к. въ день, кружевщицы Московской губ. — 10 коп. въ день и т. п. Работа продолжается 16-19 час. Чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о кустарныхъ промыслахъ, возьмемъ, напр., рогожный промыселъ, распространенный въ Калужской, Вятской, Костромской, Нижегородской и проч. Работа продолжается по 18 час. въ сутки, въ работѣ принимаетъ участіе вся семья, дѣти съ пяти лѣтъ уже щиплютъ мочалу, а съ восьми лѣтъ работаютъ наравнѣ со взрослыми. Зимній сезонъ продолжается 6 мѣсяцевъ, за это время не слабый „станъ“ (4 чел.) вырабатываетъ 20-25 р. Къ веснѣ рогожники такъ ослабѣваютъ, что ихъ какъ пьяныхъ качаетъ. Печальное, униженное положеніе павловскаго кустаря-замочника, мечущагося отъ скупщика къ ростовщику и обратно,

какъ нельзя лучше характеризуется сложившимся въ селѣ Павловѣ обычаемъ „заклада женъ“. Цѣлая семья, надрываясь надъ работой, не можетъ выработать столько, чтобы выждать отъ понедѣльника до понедѣльника базарнаго дня и на недѣлѣ ищетъ, гдѣ бы раздобыться деньгами, каждую недѣлю приходится закладывать только-что приготовленный товаръ. Въ базарный день кустарь несетъ образчикъ своего товара скупщику и, договорившись съ нимъ о цѣнѣ, обязуется въ тотъ же день во время такъ называемой „пріемки“ доставить требуемый товаръ; но товаръ, между тѣмъ, лежитъ въ закладѣ у ростовщика, а денегъ нѣтъ, чтобы расплатиться съ нимъ, и вотъ кустарь приходитъ съ женой въ лавочку, беретъ товаръ, чтобы нести его въ складъ скупщику, а въ залогъ до получки денегъ оставляетъ жену. Такъ бьется кустарь, такъ бьется и его жена.

Съ каждымъ годомъ нужда все болѣе и болѣе гонитъ крестьянина-кустаря въ городъ. Работа въ своемъ хозяйствѣ, у себя на дому смѣняется работой на фабрикѣ или заводѣ. Нужда же гонитъ на фабрику и крестьянку. Женскій трудъ очень широко примѣняется на многихъ фабрикахъ, особенно въ бумагопрядильномъ, бумаготкацкомъ, шерстяномъ, шелковомъ производствахъ. Въ бумагопрядильномъ производствѣ женщинъ работаетъ даже больше, чѣмъ мужчинъ. За то въ нѣкоторыхъ производствахъ, какъ напр., въ сталелитейномъ и др. женскій трудъ не примѣняется вовсе и является лишь случайностью. Всѣхъ женщинъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, насчитывалось въ 1890 г. въ Европейской Россіи около четверти милліона, съ тѣхъ поръ число это значительно возрасло. Тамъ, гдѣ женскій трудъ вошелъ въ обычай, какъ напр., въ бумагопрядильномъ и бумаготкацкомъ производствѣ, заработная плата женщинъ хотя и ниже мужской, но разница эта незначительна; одинъ изслѣдователь высчиталъ, что она составляетъ въ этихъ производствахъ около $^4/_5$ заработной платы мужчины. Тамъ же, гдѣ женщины работаютъ сдѣльно наравнѣ съ мужчинами, онѣ вырабатываютъ нисколько не меньше ихъ. Надо, однако, замѣтить, что въ этихъ отрасляхъ производства и мужчины получаютъ сравнительно очень низкую заработную плату, которая едва-едва хватаетъ на то, чтобы прожить. Въ тѣхъ же отрасляхъ производства, гдѣ женскій трудъ является лишь случайностью, заработная плата женщинъ такъ низка, что просуществовать на нее невозможно, заработокъ женщины можетъ служить лишь подспорьемъ въ хозяйствѣ, и если женщинѣ приходится жить самостоятельно, то нужда заставляетъ ее продавать не только свою рабочую силу, но и самое себя: проституція служитъ ей дополнительнымъ заработкомъ. Поступая на фабрику, женщина работаетъ столько же, сколько и мужчина (по закону 2-го іюня 1897 г. — $11^1/_2$ час.). Законъ не ограничиваетъ особо продолжительности рабочаго дня женщинъ. Въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ существуетъ лишь одно постановленіе относительно женскаго труда: запре-

щена ночная работа въ текстильной*) промышленности. Но если женщины работаютъ въ одномъ помѣщенiи съ главами семействъ — отцами, мужьями, — то ночная работа имъ разрѣшается. Работать приходится зачастую въ душномъ, пыльномъ, черезчуръ жаркомъ или сыромъ помѣщенiи, работать утомительную однообразную работу. Чрезмѣрная нездоровая работа пагубно отзывается на здоровьѣ женщины; не меньше подрываютъ ея здоровье и плохое питанiе и плохое жилище. Грубая, тяжелая пища, которая легко переносится при физическомъ трудѣ на открытомъ воздухѣ, вредно дѣйствуетъ на ослабѣвшiй организмъ фабричнаго рабочаго. А женщины, въ общемъ, питаются еще хуже мужчинъ. Онѣ устраиваютъ или свои отдѣльныя женскiя артели, гдѣ харчи хуже, а если входятъ въ мужскiя артели, то платятъ меньше, но за то отказываются отъ мяса. Заработокъ женщины ниже мужского, и она по неволѣ должна урѣзывать себя въ пищѣ. Жилища въ фабричныхъ мѣстностяхъ и плохи, и грязны, и непомѣрно дороги. Народу на ночь набивается столько, что часто и сами хозяева квартиръ не знаютъ, сколько человѣкъ у нихъ ночуетъ. Смрадъ захватываетъ дыханiе. Въ Петербургѣ, напр., квартиры въ фабричныхъ мѣстностяхъ дороже, чѣмъ на Невскомъ. Цѣны за ночлегъ вдвоемъ на одной постели отъ 1 р. 25 к. до 4 р. въ мѣсяцъ. Не лучше и въ фабричныхъ казармахъ. Не мудрено, что, живя при такихъ условiяхъ, фабричная работница хвораетъ всевозможными болѣзнями; женщины еще хуже мужчинъ переносятъ вредныя условiя фабричной работы, и фабричные доктора отмѣчаютъ, что работницы хвораютъ и чаще и серьезнѣе, чѣмъ мужчины.

Кромѣ фабрики, женщина-работница находитъ въ городѣ заработокъ еще въ ремеслѣ: швейномъ, шляпочномъ, цвѣточномъ, корсетномъ и др. Но чтобы найти заработокъ въ ремеслѣ, нужны годы ученичества. За обученiе надо платить, и потому для многихъ ремесло совершенно недоступно. Да и выучившiяся ремеслу выигрываютъ немного. Легче всего найти работу въ большихъ мастерскихъ, работающихъ на магазины. Но заработная плата тамъ чрезвычайно низка. Работать приходится не меньше, чѣмъ на фабрикѣ. Правда, существуетъ законъ, изданный еще въ 1785 г., въ которомъ говорится, что рабочее время ремесленниковъ начинается съ 6 ч. утра и продолжается до 6 ч. вечера, причемъ дается полтора часа на обѣдъ и полчаса на завтракъ, такъ что въ общемъ рабочее время для ремесленниковъ опредѣляется въ 10 час. Но законъ этотъ остается на бумагѣ и нигдѣ не соблюдается. Надзора за ремесленными заведенiями нѣтъ, а большинство ремесленниковъ никогда и не слыхало, что есть такой законъ. Только въ Западномъ краѣ, гдѣ ремеслен-

*) Текстильной промышленностью называется такая, которая занимается обработкой разныхъ волокнистыхъ веществъ: льна, шерсти, шелка, хлопка, пеньки.

ники более сплочены и дѣйствуютъ дружно, бывали случаи, что они путемъ стачки вынуждали хозяевъ соблюдать этотъ законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Обыкновенно же работа въ ремесленныхъ заведеніяхъ во время „сезоновъ" продолжается чуть не всю ночь, мастерицы работаютъ уже не $11^1/_2$ час., какъ на фабрикѣ, а сколько хватаетъ силъ, спятъ тутъ же въ мастерской, на столахъ, на голомъ полу. „Сезоны" смѣняются безработицей, когда мастерицы волей-неволей вынуждены праздновать, хотя у нихъ нѣтъ въ карманѣ ни гроша.

Итакъ, положеніе женщины-работницы всюду и вездѣ крайне тяжелое. Она терпитъ все то, что терпитъ и мужчина-рабочій. Какъ онъ, она неустанно работаетъ; какъ онъ, терпитъ она нужду; какъ онъ, она принадлежитъ къ самому безправному и угнетенному классу общества. Женщина-работница — членъ рабочаго класса, и всѣ ея интересы тѣсно связаны съ интересами этого класса. Завоюетъ рабочій классъ себѣ лучшую долю, — измѣнится и положеніе женщины; останется въ нищетѣ, темнотѣ и безправіи, — и женщина-работница будетъ влачить то-же жалкое существованіе, которое она влачитъ въ настоящее время. Поэтому женщина-работница не можетъ равнодушно относиться къ тому, добьется-ли рабочій классъ лучшей доли: рабочее дѣло — ея близкое, кровное дѣло, оно ей такъ же близко, какъ и рабочему-мужчинѣ. Въ чемъ же состоитъ это „рабочее дѣло"?

Рабочіе недовольны своимъ положеніемъ, они видятъ, что всѣ богатства создаются ихъ руками, ихъ трудомъ, а между тѣмъ за свой трудъ они получаютъ лишь столько, чтобы прокормиться, чтобы поддержать свою рабочую силу. Они работаютъ не на себя, а на собственниковъ фабрикъ, земли, рудниковъ, магазиновъ и проч. или, какъ принято называть эти классы населенія, на буржуазію. Всѣ законы составляются въ интересахъ имущихъ классовъ, вся страна управляется въ интересахъ буржуазіи. Рабочіе не принимаютъ никакого участія ни въ составленіи законовъ, ни въ управленіи страной. Ихъ дѣло — работать на другихъ, не покладаючи рукъ, платить подати и налоги, молчать и безропотно переносить голодъ, холодъ и издѣвательство надъ своей человѣческой личностью. Рабочіе хотятъ измѣнить такой порядокъ вещей. Они хотятъ, чтобы не было никакихъ классовъ, не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы земля, фабрики, заводы, мастерскія, рудники принадлежали не отдѣльнымъ лицамъ, а всему обществу, которое будетъ само управлять ими; теперь владѣльцы ихъ думаютъ только о томъ, какъ бы больше нажиться, они не думаютъ о здоровьи, удобствахъ, довольствѣ работающихъ у нихъ рабочихъ, они ставятъ ни во что жизнь рабочаго человѣка; нажива — вотъ ихъ главная цѣль. Когда управленіе производствомъ изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ перейдетъ въ руки общества, дѣло измѣнится. Общество будетъ заботиться о томъ, чтобы каждый могъ жить по человѣчески, чтобы у него было все необходимое, чтобы у него было доста-

точно свободнаго времени, чтобы онъ могъ жить полною жизнью, пользоваться всѣми радостями и наслажденіями, какія она даетъ. Рабочіе знаютъ, что нечего бояться того, чтобы не хватило на всѣхъ нужныхъ продуктовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ введены машины, такъ увеличившія производительность человѣческаго труда, придуманы новые способы обработки земли, такъ увеличившіе плодородіе земли, — бояться этого нечего. На всѣхъ всего хватитъ вдоволь. При теперешнемъ порядкѣ вещей народъ бѣдствуетъ вовсе не потому, что для него не хватаетъ хлѣба, одежды, и проч. Хлѣбъ лежитъ на желѣзныхъ дорогахъ и гніетъ въ ожиданіи покупателей, а рядомъ пухнетъ съ голоду и умираетъ рабочій народъ; склады фабрикантовъ ломятся отъ нераспроданныхъ товаровъ, а у воротъ фабрикъ толпятся оборванные люди, ищущіе работы. Тогда, когда производствомъ будетъ управлять само общество, всѣ люди будутъ обязаны трудиться, но трудъ не будетъ такъ тяжелъ, какъ теперь, такъ какъ будетъ сдѣлано все, чтобы облегчить непріятныя стороны труда: работа будетъ производиться не въ душныхъ, вонючихъ, зараженныхъ фабрикахъ, а въ свѣтлыхъ, просторныхъ, сухихъ, хорошо вентилируемыхъ помѣщеніяхъ; трудъ не будетъ такъ продолжителенъ, какъ теперь, потому что работать будутъ всѣ, не будетъ того, какъ это происходитъ теперь, что часть рабочихъ, въ томъ числѣ дѣти, беременныя женщины, надрываются надъ работой, а другая часть вынуждена бродить безъ дѣла, въ безполезныхъ поискахъ за работой... Трудиться будутъ обязаны всѣ, но это не будетъ тотъ подневольный, изнуряющій, притупляющій трудъ, на который обреченъ теперь рабочій классъ. Общество возьметъ на себя заботу о слабыхъ, больныхъ, старикахъ. Не будетъ страха за будущее, человѣку нечего будетъ бояться, что ему придется умирать гдѣ-нибудь подъ заборомъ, ѣсть чужой хлѣбъ. Человѣкъ не будетъ бояться, что — заболѣй онъ — семья насидится безъ хлѣба... Общество возьметъ на себя и содержаніе и воспитаніе дѣтей, оно будетъ заботиться о томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ сильныхъ, здоровыхъ, умныхъ, полезныхъ и знающихъ людей, сдѣлать изъ нихъ хорошихъ гражданъ.

Людей, которые хотятъ такого порядка вещей, которые борятся за его осуществленіе, называютъ соціалистами. Соціалистовъ особенно много среди рабочихъ. Въ Германіи, Бельгіи, Франціи и другихъ странахъ соціалистовъ среди рабочихъ милліоны, они съорганизованы въ рабочія партіи, которыя дѣйствуютъ единодушно, дружно отстаиваютъ свои общіе интересы и уже многаго добились. Съ каждымъ годомъ число соціалистовъ ростетъ.

Рабочимъ не откуда ждать улучшенія своей участи: ни царь, ни богъ имъ не помогутъ. Царь смотритъ на все глазами капиталистовъ и дворянъ: ихъ онъ осыпаетъ милостями, имъ даетъ всякія права, имъ предоставляетъ управленіе страной, а рабочихъ, отстаивающихъ свои права, считаетъ бунтовщиками и тор

жественно благодарить (какъ это было въ 1895 г. по случаю волненія на Корзинкинской мануфактурѣ въ Ярославлѣ) войска за то, что тѣ стрѣляли во время стачки въ безоружныхъ рабочихъ. Правда, онъ заявляетъ, что ему одинаково дороги интересы и фабрикантовъ и рабочихъ. но надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что это одни только пустыя слова.

Богъ не идетъ на помощь нуждающимся, его служители толкуютъ притѣсняемымъ лишь о необходимости терпѣнія, смиренія любви къ притѣснителямъ; толкуютъ о грѣхѣ любостяжанія тѣмъ, кто еле можетъ прокормиться, о грѣхѣ праздности тѣмъ, кто работаетъ по 16-18 час., они толкуютъ о царствіи небесномъ, стараются отвлечь всѣ мысли рабочихъ отъ устройства себѣ лучшей доли на землѣ. Думать о земномъ, роптать — грѣхъ, а за грѣхи покараетъ милосердный богъ.

Нѣтъ, ни отъ бога, ни отъ царя рабочимъ ждать нечего. Нечего ждать имъ и того, чтобы капиталисты опомнились и перестали эксплуатировать ихъ; это все равно, что ждать, чтобы волки перестали ѣсть овецъ, чтобы птицы перестали ловить мошекъ. Капиталисты живутъ эксплуатаціей рабочей силы и добровольно отъ этой эксплуатаціи никогда не откажутся.

Рабочіе всѣхъ странъ знаютъ, что имъ не на кого надѣяться, кромѣ какъ на самихъ себя, что они сами должны завоевать себѣ лучшую долю на землѣ. Рабочіе знаютъ, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности совершенно безпомощенъ и беззащитенъ, но всѣ вмѣстѣ, сплоченные въ одну громадную армію, они — сила, передъ которой уступитъ всякая власть, сила, которая добьется своего. Чѣмъ дружнѣе дѣйствуютъ рабочіе, чѣмъ энергичнѣе борются они за свои права, чѣмъ яснѣе сознаютъ, куда имъ идти и чего добиваться, тѣмъ большую силу они изъ себя представляютъ. Не даромъ постоянно повторяются на рабочихъ собраніяхъ слова: „Пролетаріи*) всѣхъ странъ, соединяйтесь!“, „Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного!“ Рабочимъ приходится вести долгую, упорную борьбу. Каждый шагъ приходится брать съ бою. Сначала рабочіе борятся за свои ближайшія нужды, за повышеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня, устраненіе всякихъ злоупотребленій, но имъ не позволяютъ устраивать стачекъ, собираться для обсужденія своихъ дѣлъ, устраивать союзы; не позволяютъ писать въ газетахъ о своихъ нуждахъ и дѣлахъ; въ своихъ столкновеніяхъ между фабрикантами и рабочими правительство держитъ сторону фабрикантовъ; рабочіе видятъ, что для того, чтобы имъ хорошо съорганизоваться для борьбы съ фабрикантами, имъ нужна свобода стачекъ, собраній

*) Пролетаріемъ называется человѣкъ, который не имѣетъ никакой собственности и живетъ только тѣмъ, что получаетъ за работу по найму въ чужихъ людяхъ или — какъ говорится въ книжкахъ — живетъ продажей своей рабочей силы. Рабочій — пролетарій, такъ какъ живетъ продажей своей рабочей силы.

и союзовъ, свобода слова и печати; но они видятъ также, что чиновники всегда будутъ на сторонѣ знатныхъ и богатыхъ, всегда будутъ издавать законы противъ рабочихъ, будутъ стараться держать рабочихъ въ темнотѣ и невѣжествѣ, облагать ихъ все новыми и новыми налогами и податями — все это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочіе сами черезъ своихъ выборныхъ не будутъ принимать участіе въ составленіи законовъ и управленіи страной; рабочіе требуютъ, поэтому, чтобы страна управлялась на основаніи законовъ, издаваемыхъ парламентомъ (собраніемъ народныхъ представителей), чтобы чиновники, управляющіе страной, давали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ парламенту, чтобы никакіе налоги и подати не могли собираться безъ согласія парламента, чтобы парламентъ распоряжался деньгами, собранными съ народа: рабочіе требуютъ всеобщаго равнаго избирательнаго права, которое дало бы имъ возможность посылать своихъ представителей въ парламентъ; однимъ словомъ, рабочіе требуютъ политической свободы. Безъ политической свободы, безъ участія въ управленіи страной рабочіе никогда не въ состояніи будутъ добиться своей завѣтной цѣли — соціалистическаго порядка вещей. Поэтому рабочіе всѣхъ странъ добиваются политической свободы, и во всѣхъ европейскихъ странахъ уже есть парламенты и рабочіе принимаютъ нѣкоторое участіе въ управленіи страной. Правда, во многихъ странахъ это участіе еще очень слабо, но только въ Россіи нѣтъ никакого парламента, только въ Россіи рабочіе, какъ и всѣ другіе обыватели, вполнѣ устранены отъ участія въ составленіи законовъ и управленіи страной, и всѣмъ самовольно распоряжается безотвѣтственные царскіе чиновники. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ политическая свобода, рабочіе съорганизованы въ партіи и успѣли уже многаго добиться: тамъ ихъ положеніе гораздо лучше, чѣмъ положеніе рабочихъ въ Россіи. Въ Россіи борьба за рабочее дѣло только-что начинается, рабочее движеніе только зародилось, но уже во всѣхъ концахъ Россіи загорѣлась борьба, и съ каждымъ годомъ рабочее движеніе будетъ рости и крѣпнуть.

Какъ-же должна относиться женщина-работница къ борьбѣ за рабочее дѣло? Должна-ли она принимать въ ней участіе?

Въ настоящее время часто случается, что женщина очень неодобрительно относится къ участію мужа въ рабочемъ дѣлѣ. Она совершенно не понимаетъ, изъ-за чего онъ хлопочетъ, и видитъ только одну опасность. Она часто ничего не знаетъ ни о рабочемъ дѣлѣ, ни о рабочемъ движеніи и потому не понимаетъ своего мужа и не сочувствуетъ ему. Она старается всячески помѣшать ему: поднимаетъ ссоры, мѣшаетъ ему учиться, недружелюбно принимаетъ его товарищей. Молодые сознательные рабочіе часто говорятъ, что имъ трудно найти себѣ такую жену, которая сочувствовала бы имъ въ ихъ дѣятельности, а жениться на такой, которая ихъ тянула бы назадъ, они не хотятъ. Есть

и между сознательными рабочими такіе, которые думаютъ, что женщинамъ не слѣдуетъ мѣшаться въ борьбу за рабочее дѣло, что это дѣло не ихъ ума и будетъ гораздо лучше, если мужчины одни будутъ вести борьбу. Такой взглядъ ошибоченъ. Мужчинамъ будетъ трудно однимъ добиться успѣха. Если женщины не будутъ принимать участія въ рабочемъ движеніи, если онѣ будутъ враждебно относиться къ нему, онѣ будутъ постоянно становиться рабочимъ поперекъ дороги. Скажемъ, устраиваютъ рабочіе-мужчины стачку, хозяинъ готовъ уступить, но вотъ женщины берутся за исполненіе мужской работы — и стачка проиграна. Да и мало-ли чѣмъ могутъ повредить неорганизованныя, не принимающія участія въ рабочемъ движеніи женщины! Устранить женщинъ отъ участія въ борьбѣ все равно, что оставить рабочую армію на половину неорганизованной. Большинство сознательныхъ рабочихъ понимаетъ, что необходимо, чтобы въ борьбѣ за рабочее дѣло женщина шла рука объ руку съ мужчиной, отъ этого ряды рабочей боевой арміи станутъ многочисленнѣе, сплоченнѣе, рабочіе скорѣе добьются побѣды. Но женщина и не останется въ сторонѣ. По мѣрѣ того, какъ она начинаетъ принимать все большее и большее участіе въ промышленномъ трудѣ, она начинаетъ все больше и больше понимать, что ея интересы тѣ же, что и интересы рабочаго-мужчины, она начинаетъ понимать, что ея освобожденіе тѣсно связано съ освобожденіемъ рабочаго класса. Она видитъ, что ей нѣтъ другого выхода, кромѣ борьбы за рабочее дѣло.

На Западѣ наиболѣе сознательныя женщины-работницы уже примыкаютъ къ движенію. Онѣ помогаютъ рабочимъ всѣмъ, что говорится и пишется о рабочемъ дѣлѣ. Поэтому онѣ участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ, въ праздновaніи перваго мая; онѣ устраиваютъ свои женскіе союзы и общества, основываютъ свои женскія газеты. И женское рабочее движеніе ростетъ съ каждымъ годомъ.

Въ Россіи женщины мѣстами также начинаютъ принимать участіе въ борьбѣ. Назовемъ для примѣра хоть стачки женщинъ на табачной фабрикѣ Лаферма въ Петербургѣ (1895 г.), въ Брестъ-Литовскѣ и Бѣлостокѣ на гильзовыхъ и папиросныхъ фабрикахъ (1897 г.), а за послѣднее время на гильзовой фабрикѣ Каца въ Кіевѣ, стачку чулочницъ въ Вильнѣ, стачку въ Ригѣ, Серпуховѣ (на фабрикѣ Коншина) и др. Кромѣ того, на бумаго-ткацкихъ и бумаго-прядильныхъ фабрикахъ почти всегда одновременно съ съ мужчинами бросали работу и женщины.

II. Положеніе женщины-работницы въ семьѣ.

Конечно, женщина-работница терпитъ не только отъ того, что она работница, но и отъ того, что она женщина, отъ того, что она зависитъ отъ мужчинъ.

Дѣвушка-крестьянка съ самыхъ раннихъ лѣтъ работаетъ въ семьѣ родителей, какъ батрачка. Она считается полной собственностью родителей, они могутъ заставлять ее работать съ утра до ночи, могутъ отдать жить въ люди, беря на хозяйство всѣ заработанныя ею деньги. Насколько распространенъ взглядъ на дѣвушку-крестьянку, какъ на собственность отца, показываетъ, напр., такой фактъ: было нѣсколько случаевъ, что сельское общество запрещало дѣвушкѣ выходить замужъ, пока отецъ не заплатитъ числившіяся за нимъ недоимки. Тутъ ужь личность дѣвушки ставится совсѣмъ ни во что, она просто приравнивается къ имуществу, на которое наложенъ арестъ за долги. Замужъ дувушку выдаютъ часто за человѣка, котораго она совершенно не знаетъ. Сохранившійся повсемѣстно обычай причитанья невѣсты на дѣвишникѣ указываетъ на то, какъ мало ожидаетъ она радости впереди. При выборѣ невѣсты главное вниманіе обращаютъ на то, чтобы она была здорова да работница была хорошая, сильная, проворная, выносливая. Изъ семьи отца дѣвушка переходитъ въ семью мужа. Тутъ она по прежнему работаетъ безъ устали, по прежнему находится въ зависимомъ положеніи. Бываетъ, конечно, такъ, что мужъ и жена сживутся и полюбятъ другъ друга, но и тогда жена не застрахована отъ „мужней науки". Рѣдкая женщина-крестьянка не испытала на себѣ мужниныхъ побоевъ; даже сами женщины привыкаютъ смотрѣть на мужнины побои, какъ на нѣчто обычное, если мужъ не очень ужъ звѣрствуетъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ жена не можетъ уйти отъ мужа. Онъ имѣетъ право не дать ей паспорта и отовсюду вытребовать ее по этапу.

Чѣмъ-же объясняется такое зависимое положеніе женщины-крестьянки? Хозяинъ-мужчина распоряжается всѣми работами, женщина является лишь исполнительницей его приказаній. Когда начинать пахать, сѣять; брать или не брать такую-то работу — все это рѣшаетъ мужчина; достаетъ деньги на уплату податей; продаетъ хлѣбъ, скотъ — опять-таки мужчина. Весь „잘адъ" работъ мужской. Такъ какъ мужчина ведетъ хозяйство, то онъ и принимаетъ участіе въ обсужденіи всѣхъ общественныхъ дѣлъ, на сходахъ обсуждаются всѣ вопросы о землѣ и раскладкѣ податей и т. п. Женщина-же остается въ сторонѣ отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, она привязана къ своему домашнему хозяйству, къ ребятамъ. Мужъ — глава семьи потому, что имъ держится хозяйство. Мужъ — глава семьи и потому еще, что все имущество — земля, изба, скотъ и проч. — принадлежитъ ему, жена-же берется „въ домъ". Вотъ почему такъ низко цѣнится личность женщины, вотъ почему въ крестьянскомъ быту на женщину смотрятъ, какъ на собственность, цѣнятъ въ ней, главнымъ образомъ лишь рабочую силу.

Въ тѣхъ кустарныхъ промыслахъ, гдѣ промыселъ является

лишь подспорьемъ къ занятію земледѣліемъ, положеніе женщины измѣняется мало, и хотя она и помогаетъ мужу въ его работѣ, но это не дѣлаетъ ее болѣе независимой. За то тамъ, гдѣ земледѣліе отступаетъ на задній планъ и заработки отъ промысла составляютъ главный доходъ, гдѣ женщина можетъ промысломъ заработать столько, чтобы быть въ состояніи кое-какъ прожить на свой заработокъ и внѣ семьи, тамъ дѣло мѣняется. Голосъ женщины получаетъ въ семьѣ большее значеніе, ея личность начинаетъ больше приниматься въ разсчетъ, разводы стоновятся болѣе легкими. Тамъ, гдѣ женщина, благодаря участію въ промышленности, достигаетъ независимости, ей удается добиться иногда для себя и земельнаго надѣла: она пріобрѣтаетъ право владѣть землей совершенно на тѣхъ же условіяхъ, что и мужчина.

Мы видѣли, что въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ женскій трудъ вошелъ въ обычай, женщина, работая на фабрикѣ, получаетъ немногимъ меньше, чѣмъ мужчина, и въ состояніи сама прокормить себя. Мужъ перестаетъ быть для нея „кормильцемъ“, она кормитъ сама себя, а иногда, когда мужъ безъ работы, кормитъ и его. Работаетъ она на фабрикѣ, совершенно отдѣльно и независимо отъ мужа, а не подъ его началомъ, какъ это мы видѣли въ крестьянскомъ быту. Все это, т. е. самостоятельная работа и самостоятельный заработокъ женщины, не могло не отразиться на отношеніяхъ между мужемъ и женой. Жена перестаетъ быть рабою мужа, а дѣлается равноправнымъ членомъ семьи. Полная зависимость отъ мужа смѣняется равноправностью. Фабричную дѣвушку, которая съ малыхъ лѣтъ кормитъ сама себя, родителямъ не такъ-то легко „выдать“ замужъ: она сама себѣ сыщетъ жениха по душѣ. Браки заключаются въ фабричномъ быту больше по взаимной симпатіи, чѣмъ по хозяйственнымъ соображеніямъ. Да и въ томъ случаѣ, если мужъ и жена не уживаются, имъ легче разойтись, чѣмъ это было бы въ крестьянскомъ быту: отъ того, что они разойдутся, хозяйство не пойдетъ прахомъ, каждый можетъ прожить на свой заработокъ. Среди фабричныхъ рабочихъ разводы гораздо чаще, чѣмъ среди крестьянъ. Кромѣ того, среди нихъ свобода отношеній между мужчинами и женщинами составляетъ общее правило. Совмѣстная ночная работа мужчинъ и женщинъ, фабричныя жилища — все способствуетъ тому, что внѣбрачныя связи завязываются легко, даже слишкомъ легко. Да и можетъ-ли быть иначе? Въ фабричныхъ казармахъ раздѣленіе половъ по отдѣльнымъ комнатамъ не составляетъ правила, и на преобладающемъ большинствѣ фабрикъ царитъ полное смѣшеніе половъ и возрастовъ: въ одной и той-же спальнѣ, на однѣхъ и тѣхъ-же нарахъ спятъ и дѣти, и взрослые, и мужчины и женщины, и холостые и женатые. Гдѣ ужъ тутъ строго разбирать, живутъ-ли люди „законнымъ“ бракомъ или нѣтъ. Связь между мужчиной и женщиной и внѣ брака получаетъ въ средѣ рабочихъ такое-же право гражданства, какъ и „законный“ бракъ. При такой связи же-

щина свободнѣе, чѣмъ „мужнина жена“, она не зависитъ отъ мужчины, съ которымъ живетъ, онъ не имѣетъ на нее никакихъ „законныхъ“ правъ, не можетъ, напр., не выдать ей паспорта, заставить насильно жить при себѣ... Однимъ словомъ, самостоятельный заработокъ освобождаетъ женщину отъ власти мужчины.

Но если женщина зарабатываетъ такъ мало, что не можетъ просуществовать на заработокъ (очень низокъ ея заработокъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ женскій трудъ не вошелъ еще въ обычай, а также въ нѣкоторыхъ ремеслахъ), она должна жить при родителяхъ или при мужѣ, а если у нея нѣтъ ни тѣхъ, ни другого, она вынуждена искать дополнительнаго заработка въ проституціи. Недавно (въ маѣ 1899 г.) въ Ригѣ были громадныя рабочія волненія. Начались эти волненія съ того, что женщины джутовой фабрики потребовали повышенія расцѣнка; онѣ отправились толпой къ губернатору жаловаться на фабричную администрацію. По дорогѣ женщины были задержаны и заперты въ Александровскій садъ. Шедшіе съ работы рабочіе завода „Фениксъ“ и другіе стали силою освобождать задержанныхъ женщинъ. Губернаторъ распорядился пустить въ дѣло войска, и съ 5-го по 15-е мая Рига превратилась въ поле сраженія; войска стрѣляли въ рабочихъ, рабочіе бросали въ войска камнями, били стекла, поджигали зданія. Но главная ярость рабочихъ была направлена на дома терпимости; въ одну ночь было разрушено 11 домовъ терпимости. Почему-же рабочіе кинулись разрушать дома терпимости? какую связь имѣло это разрущеніе съ забастовкой и рабочими волненіями? при чемъ тутъ дома терпимости? Дѣло въ томъ, что, когда рабочіе заявляли о невозможности для ихъ женъ и дочерей существовать на тотъ заработокъ, который онѣ получаютъ, начальство цинично отвѣчало, что онѣ могутъ найти дополнительный заработокъ въ домахъ терпимости. Такимъ образомъ, проституція открыто указывалась, какъ единственный путь, которымъ женщина, вынужденная жить своимъ трудомъ, можетъ пополнить свой ничтожный заработокъ! Кто послѣ этого станетъ винить продающую себя изъ нужды женщину за то, что она предпочитаетъ этотъ единственный, вполнѣ доступный ей заработокъ полуголодному нищенскому существованію, а иногда — голодной смерти. Вѣдь заработокъ этотъ куда какъ не сладокъ. А надо послушать только, какъ презрительно говорятъ сытые буржуа и ихъ жены о развращенности фабричныхъ женщинъ и дѣвушекъ, съ какой лицемѣрной гадливостью произносятъ эти дамы, никогда не видавшія нужды, слово „проститутка“. А буржуазные профессора не стыдятся печатно заявлять, что проститутки — не рабыни, что онѣ сами добровольно выбрали эту дорогу! Это то же отвратительное лицемѣріе, которое утверждаетъ, что ничто не мѣшаетъ рабочему уйти съ фабрики, на которой нельзя продохнуть отъ пыли, ядовитыхъ испареній, жары и т. п. Онъ „добровольно“ остается работать на ней, „добровольно“ работаетъ по 16-18 часовъ.

Но если женщина, получающая ничтожные гроши за свою работу, и не всегда вынуждена продавать себя, то все-же, состоя при мужѣ или при родителяхъ, живя на ихъ счетъ, она не пользуется такой самостоятельностью, какою пользуется женщина, не нуждающаяся ни въ чьей поддержкѣ; ей приходится подчиняться тѣмъ, кто ее содержитъ, безъ чьей помощи она не можетъ обойтись.*)

Итакъ, мы видимъ, что самостоятельный заработокъ освобождаетъ женщину-работницу, какъ женщину, уравниваетъ ее съ мужчиною. Лишь участіе ея въ крупной промышленности можетъ сдѣлать ее свободной. Надо только отмѣтить, что, во-первыхъ, пока еще сравнительно немного женщинъ находятъ заработокъ на фабрикахъ и заводахъ (мы видѣли, что въ 1890 г. ихъ было около четверти милліона, теперь, конечно, это число значительно выше, но все же оно не превышаетъ, вѣроятно, полумилліона); а во вторыхъ, въ очень многихъ отрасляхъ промышленности женскій трудъ оплачивается такъ плохо, что женщина-работница не въ состояніи просуществовать самостоятельно на свой заработокъ. Да и та женщина, которая имѣетъ въ настоящую минуту сравнительно хорошій заработокъ, должна быть готова къ тому, что введеніе машинъ или заминка въ промышленности выбросятъ ее на улицу, оставятъ безъ куска хлѣба. Что тогда дѣлать? Либо опять сѣсть на шею мужа или родныхъ, опять сдѣлаться зависимою, либо доставать себѣ кусокъ хлѣба проституціей.

Только полная побѣда рабочихъ, стремящихся къ замѣнѣ теперешняго строя соціалистическимъ, окончательно освободитъ женщину. Мы уже говорили, что при соціалистическомъ строѣ будутъ работать всѣ взрослые здоровые люди, будутъ работать, слѣдовательно, и женщины (конечно, за исключеніемъ беременныхъ, кормящихъ и т. д.), но взамѣнъ того, каждый будетъ принимать участіе въ пользованіи произведенными благами, каждому будутъ обезпечены средства существованія, будутъ они, слѣдовательно, обезпечены и женщинѣ. Теперешняя зависимость женщины отъ мужчины происходитъ отъ того, что мужчина содер-

---

*) То же самое можно сказать и о трудѣ женщинъ въ такъ-называемой „домашней промышленности". Многія фабрики очень охотно раздаютъ работу на домъ: напр., фабриканты отдаютъ на сторону клейку гильзовыхъ патроновъ, завертываніе конфектъ и т. п. Желающихъ взять работу на домъ всегда очень много. Чтобы обезпечить за собой работу, берущія ее сбиваютъ цѣны. Работаютъ сдѣльно и по такой низкой расцѣнкѣ, что, работая съ утра до вечера не разгибая спины, зарабатываютъ гроши. Берутъ такую работу потому, что нѣтъ другой работы, а и самый ничтожный заработокъ служитъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Но, понятное дѣло, что работа въ домашней промышленности не даетъ женщинѣ самостоятельности, а только надрываетъ ея силы.

житъ женщину (жену, любовницу, дочь). Когда этого не будетъ, женщина станетъ независимою отъ мужчины. Итакъ, мы видимъ, что женщина вдвойнѣ заинтересована въ успѣхѣ борьбы за рабочее дѣло, какъ работница и какъ женщина. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ — эти слова не могутъ не найти отклика въ сердцѣ женщины, она не можетъ не встать въ ряды борцовъ за соціалистическій строй, за лучшее будущее.

III. Женщина и воспитаніе дѣтей.

Семейная жизнь связана для женщины-работницы съ неустанной заботой о дѣтяхъ. О воспитаніи обыкновенно нѣтъ и рѣчи, рѣчь идетъ лишь о томъ, какъ бы прокормить дѣтей.

Съ дѣтьми сразу крестьянкѣ прибавляется заботъ. Ни вѣдь работать, ни вѣдь съ дѣтьми возиться. Работа не ждетъ, и крестьянка уходитъ на работу, оставляя дѣтей подъ присмотромъ какой-нибудь немощной старухи или тѣхъ ребятишекъ, что постарше. Всякій, кто живалъ въ деревнѣ, знаетъ, что это за присмотръ. Грудного ребенка пичкаютъ прокислымъ рожкомъ (мать кормитъ ребенка случайно, когда удосужится), всякой зеленью, жеванымъ чернымъ хлѣбомъ, трясутъ въ люлькѣ, пока ребенокъ отъ тряски не теряетъ сознанія, держатъ въ душной избѣ закутаннымъ въ тулупъ, а вечеромъ чуть не нагишомъ тащутъ за ворота. Постоянно слышишь, что какая-нибудь 6-8милѣтняя нянька то уронила и зашибла ребенка, то „сожгла“ его, то еще сотворила съ нимъ что-нибудь такое, что можетъ придти въ голову только шестилѣтнему ребенку... Но даже если и сама мать водится съ ребенкомъ, дѣло немногимъ лучше. Она не имѣетъ накакого понятія о томъ, какъ устроенъ человѣческій организмъ, какъ развивается ребенокъ, что нужно для того, чтобы ребенокъ росъ сильнымъ, крѣпкимъ, здоровымъ. При уходѣ за ребенкомъ крестьянка руководится больше обычаемъ да предразсудками. Да если бы она и знала, какъ надо ухаживать за ребенкомъ, она при всемъ желаніи не могла бы дѣлать того, что надо. Ребенку нужна чистота, теплота, легкій воздухъ, а въ избѣ живетъ десять человѣкъ, изба не топлена, въ избѣ тулупы, телята и проч. Поневолѣ махнешь рукой. Заболѣетъ ребенокъ, и мать совсѣмъ не знаетъ, чѣмъ помочь ему, лѣчить большею частью негдѣ. Хуже всего, если болѣзнь заразная: оспа, скарлатина и проч.; больного ребенка надо бы отдѣлить отъ здоровыхъ, а какъ это сдѣлать въ деревнѣ, когда вся семья живетъ въ одной избѣ? И дѣти заражаются другъ отъ друга и умираютъ безъ всякой помощи. Ничего нѣтъ мудренаго, что въ деревнѣ половина дѣтей умираетъ до пятилѣтняго возраста. Выживаютъ только самые крѣпкіе.

Посмотримъ теперь, какъ обстоитъ дѣло съ школьнымъ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей. Очень часто въ деревнѣ нѣтъ

никакой школы и грамотѣ можно выучиться только случайно. Но даже и тогда, когда въ деревнѣ есть школа, родители часто не могутъ посылать въ нее своихъ дѣтей. Дѣти нужны дома, имъ нужно нянчить младшихъ братьевъ и сестеръ, пасти овецъ, помогать дома дѣлать всякую работу, нѣтъ другой разъ одежи, въ которой могли бы ходить въ школу, въ особенности, если школа гдѣ-нибудь въ сосѣднемъ селѣ. Тѣ дѣти, которые ходятъ въ школу, выучиваются тамъ лишь кое-какъ читать, писать да считать, и то плохо. Школы у насъ въ Россіи очень плохія, учителямъ запрещаютъ учить дѣтей чему-либо, кромѣ грамоты. Правительству выгодно держать народъ въ невѣжествѣ, и потому въ школахъ запрещаютъ разсказывать дѣтямъ и давать имъ читать книжки о томъ, какъ другіе народы завоевали себѣ свободу, какіе у нихъ законы и порядки: запрещаютъ объяснять, почему у однихъ народовъ одни порядки, у другихъ другіе, почему одни люди бѣдны, другіе богаты. Однимъ словомъ, въ школахъ запрещаютъ говорить правду, а учителя должны только учить дѣтей почитать бога да царя. Чтобы какой-нибудь учитель не обмолвился словомъ правды, за этимъ строго смотритъ начальство да и въ учителя-то стараются выбрать такихъ людей, которые сами ни о чемъ понятія не имѣютъ. И выходитъ ребенокъ изъ школы такимъ же мало знающимъ, какимъ и поступилъ въ нее. Сама мать обыкновенно научить своихъ дѣтей ничему не можетъ, такъ какъ и сама ничего не знаетъ*). Вотъ какъ говоритъ про темноту русской крестьянской женщины Левъ Толстой въ своей драмѣ „Власть тьмы“ устами отставного солдата: „и что вы, бабы, знаете? все равно, какъ щенята слѣпыя въ навозъ носомъ тыкаетесь. Мужикъ хоть въ солдатахъ побываетъ, на чугункѣ, въ городѣ ходитъ, а вы что знаете, что видали? кромѣ своихъ бабьихъ пакостей ничего не знаете“. Въ лучшемъ случаѣ, женщина научитъ сына соблюдать посты и церковные обряды, бояться бога и старшихъ, почитать богатыхъ, научитъ смиренію да терпѣнію... Только врядъ-ли отъ этого станутъ ея дѣти счастливѣе и свободнѣе, станутъ лучше понимать смыслъ словъ: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“, врядъ-ли будутъ лучше умѣть добиваться справедливости и стоять за правду.

То, что мы сказали о крестьянкѣ, какъ воспитательницѣ, примѣнимо и къ женщинѣ-матери, работающей въ кустарной промышленности. Она знаетъ такъ же мало, какъ и крестьянка, такъ же завалена работой, такъ же безсильна въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей. Дѣти въ кустарной промышленности привлекаются къ труду съ 5-8 лѣтъ. Имъ поручаются какія-нибудь несложныя операціи, но работаютъ они наравнѣ со взрослыми, часто по столько же часовъ, какъ и тѣ. Такая работа дѣйствуетъ

---

*) Женщина въ домѣ — раба, и это ея зависимое положеніе кладетъ на нее свой отпечатокъ. Она существо безправное, придавленное.

разрушающе на дѣтскій организмъ, подтачиваетъ здоровье и притупляетъ умственныя способности ребенка. Безъ движенія, безъ чистаго воздуха, въ душной избѣ ребенокъ хирѣетъ, однообразная работа съ утра до ночи не даетъ пищи его уму, не развиваетъ его, онъ становится вялымъ, тупымъ. Ни о какой школѣ не можетъ быть и рѣчи. Кустарь только тогда можетъ кое-какъ прокормиться, когда вся его семья, и старики, и дѣти, работаютъ, не покладаючи рукъ. Какая ужъ тутъ школа!

Фабричная работница отличается слабымъ здоровьемъ. Женскій организмъ еще хуже переноситъ вредныя условія фабричнаго труда. А слабая, больная женщина родитъ и слабыхъ дѣтей. „Выходя замужъ, работницы на спичечныхъ фабрикахъ (женщины и дѣти составляютъ большинство рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ) — говоритъ одинъ изслѣдователь — являются разсадникомъ такого же, какъ и они сами, хилаго, полуживого поколѣнія, отягощеннаго цѣлымъ рядомъ болѣзней, которыя ведутъ ихъ къ ранней могилѣ“. Въ нашемъ фабричномъ законодательствѣ нѣтъ никакихъ ограниченій, никакихъ облегченій работы беременныхъ женщинъ. Лишь въ правилахъ о храненіи и расходованіи штрафного при фабрикахъ капитала сказано, что изъ штрафного капитала „можно“, между прочимъ, выдавать пособія работницамъ, находящимся въ послѣднемъ періодѣ беременности и прекратившимъ работу за двѣ недѣли до родовъ. Такимъ образомъ, никакой обязательной выдачи пособія не установлено, говорится только, что такое пособіе выдавать „можно“, т. е. эта выдача вполнѣ предоставляется на усмотрѣніе фабрикантовъ. На дѣлѣ, эти пособія почти нигдѣ и не выдаются. Не получая пособія, боясь потерять работу, женщина работаетъ на фабрикѣ чуть не до послѣдняго дня и приходитъ на работу, еще не оправившись отъ родовъ. Потому-то такъ часто и бываютъ у фабричныхъ женщинъ выкидыши, преждевременные роды и всякаго рода женскія болѣзни. Съ дѣтьми фабричной работницѣ приходится очень трудно. Придя усталая съ фабрики, она должна приниматься за стирку, шитье, уборку, должна кормить, обмывать дѣтей. Иногда ей приходится цѣлыя ночи напролетъ няньчиться съ больнымъ ребенкомъ. Обыкновенно мать рада-радехонька, если какая-нибудь сосѣдка надоумитъ ее поиоить ребенка макомъ; ребенокъ спитъ спокойно, а мать и рада. Она и понятія не имѣетъ о томъ, что такимъ питьемъ она отравляетъ своего ребенка (въ макѣ много опіума, а опіумъ — страшный ядъ), что отъ такого питья ребенокъ можетъ сдѣлаться въ будущемъ полнымъ идіотомъ. Днемъ, уходя на работу, фабричная работница оставляетъ дѣтей на попеченіе какой-нибудь сосѣдкѣ-старухѣ, а когда они подростутъ нѣсколько, то и безъ всякаго призора. Дѣти почти-что ростутъ на улицѣ. Они не доѣдаютъ, мерзнутъ, ходятъ оборванные, грязные, съ ранняго дѣтства наглядятся на все, — на пьянство, разгулъ, драки и проч. Такъ ростутъ дѣти до школьнаго возраста. Въ городѣ школы есть, но городскія и

4-1165

пригородныя школы обыкновенно бываютъ переполнены, такъ что попасть туда очень трудно, а при фабрикахъ и заводахъ не всегда бываютъ школы. Законъ „предоставляетъ" фабрикантамъ устраивать школы для дѣтей рабочихъ, но устройство школъ не вмѣняется имъ въ обязанность. Такимъ образомъ въ школу попадаютъ далеко не всѣ дѣти рабочихъ. Когда дѣти войдутъ въ тотъ возрастъ, что ихъ берутъ на фабрику (по нашему фабричному законодательству дѣти принимаются на фабрику съ 12-ти лѣтъ), они начинаютъ сами содержать себя и становятся скоро совершенно самостоятельными. Въ общемъ, фабричная работница видитъ много горя съ дѣтьми, много заботъ, но бываетъ она съ ними рѣдко, и дѣти выростаютъ на половину чужими для нея.

Если мы примемъ во вниманіе, какъ трудно фабричной работницѣ приходится съ дѣтьми, особенно, если ребенокъ незаконный и содержаніе его всецѣло падаетъ на мать, то поймемъ, почему женщина часто бываетъ вынуждена отдавать своихъ дѣтей или въ воспитательный домъ или на выращиваніе какой-нибудь женщинѣ, спеціально этимъ занимающейся. Въ газетахъ не разъ сообщалось, что въ томъ или другомъ большомъ промышленномъ городѣ обнаружена „фабрика ангеловъ". Какая-нибудь женщина промышляетъ тѣмъ, что беретъ на воспитаніе за извѣстную плату грудныхъ дѣтей и голодомъ, опіумомъ и тому подобными средствами старается какъ можно скорѣе отправить ихъ на тотъ свѣтъ, понадѣлать изъ „нихъ ангеловъ". Начинается дѣло, и дѣлательница „ангеловъ" отправляется на каторгу, а гдѣ-нибудь въ новомъ мѣстѣ возникаетъ новая „фабрика ангеловъ", порождаемая тѣми-же самыми условіями: невозможностью для фабричной работницы прокормить своего ребенка.

Такая-же участь ожидаетъ и ребенка женщины, живущей по мѣстамъ прислугою. Прислугѣ не полагается имѣть семью. Прислугу нанимаютъ сплошь и рядомъ съ условіемъ, чтобы къ ней не ходили въ гости мужчины, и неохотно берутъ на мѣсто замужнюю женшину, къ которой ходитъ мужъ. Съ дѣтьми прислугу не берутъ никогда. Такимъ образомъ, поступая на мѣсто, прислуга запродаетъ все свое время. Въ этомъ отношеніи ея положеніе еще хуже, чѣмъ положеніе фабричной работницы. Та отработаетъ положенное число часовъ, а затѣмъ сама себѣ хозяйка, прислуга же, живя на мѣстѣ, никогда не можетъ располагать собой. Все ея время принадлежитъ хозяевамъ. Хозяева обыкновенно не допускаютъ, чтобы прислуга часть своего времени посвящала ребенку, и поэтому ей приходится волей-неволей отдавать ребенка либо кому-нибудь на воспитаніе, — тогда большая часть ея заработка уходитъ на содержаніе ребенка, — либо опять таки въ воспитательный домъ...

Итакъ, мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ женщина-работница поставлена въ полную невозможность разумно воспитывать своихъ дѣтей. Она совершенно неподготовлена къ роли

воспитательницы: она не знаетъ, что вредно, что полезно ребенку, не знаетъ, чему и какъ учить его. Не учившись, не починишь и старый башмакъ, говоритъ въ своей извѣстной брошюрѣ о женскомъ рабочемъ движеніи въ Германіи нѣмецкая соціалистка Цеткина*), неужели-же для того, чтобы воспитать человѣка, не надо особой подготовки?! Но если бы женщина-работница и была подготовлена къ роли воспитательницы, то при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она живетъ теперь, это было бы почти-что ни къ чему. У нея не хватило бы ни времени, ни средствъ воспитывать своихъ дѣтей. Одно, о чемъ она можетъ еще заботиться — это, чтобы ея дѣти были сыты, одѣты, обуты. Но часто она не въ состояніи даже обезпечить своимъ дѣтямъ сытаго существованія и вынуждена бросать ихъ на произволъ судьбы. Таково положеніе вещей при теперешнемъ строѣ.

Какъ будетъ поставлено дѣло воспитанія при соціалистическомъ строѣ? Мы уже говорили, что соціалисты хотятъ общественнаго воспитанія дѣтей. „Эти ужасные соціалисты“ — восклицаетъ негодующій буржуа — „хотятъ разрушить семью, отнять дѣтей отъ родителей!“ Все это, конечно, нелѣпый вздоръ, ни о чемъ подобномъ и рѣчи нѣтъ, отнимать дѣтей отъ родителей никто никогда и не собирался. Когда говорятъ объ общественномъ воспитаніи дѣтей, то подъ этимъ прежде всего понимаютъ то, что забота о содержаніи дѣтей будетъ снята съ родителей, и что общество обезпечитъ ребенку не только средства къ существованію, но будетъ заботиться о томъ, чтобы у него было все, что необходимо для того, чтобы онъ могъ полно и всесторонне развиваться. Самое трудное время — это періодъ воспитанія дѣтей въ до-школьномъ возрастѣ. Уже въ настоящее время въ западно-европейскихъ странахъ существуютъ такъ-называемые „дѣтскіе сады“. Матери, отправляющіяся на работу, отводятъ туда своихъ маленькихъ дѣтей и оставляютъ ихъ тамъ до своего возвращенія съ работы. Онѣ могутъ спокойно заниматься своей работой, потому что никакая бѣда не можетъ случиться съ ихъ малышами: въ дѣтскомъ саду занимаются съ дѣтьми много учительницъ, которыя съ любовью берегутъ ихъ. Смѣхъ и дѣтскій говоръ оглашаютъ домъ и садъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ дѣтскомъ саду нѣтъ никакого порядка, но это только такъ кажется. Въ занятіяхъ дѣтей соблюдается строгій планъ. Дѣти подѣлены на группы и каждая группа занята своимъ дѣломъ. Въ саду дѣти роютъ землю, поливаютъ и полютъ грядки, въ кухнѣ чистятъ овощи, моютъ посуду, строгаютъ, клеютъ, шьютъ, рисуютъ, поютъ, читаютъ, играютъ. Всякая игра, всякое занятіе учитъ чему-нибудь, а главное, ребенокъ пріучается къ порядку, къ труду, пріучается не ссориться съ товарищами и уступать имъ безъ капризовъ и слезъ. Учительницы умѣютъ

---

*) Цеткина — одна изъ самыхъ выдающихся и талантливыхъ руководительницъ женскаго рабочаго движенія въ Германіи.

занять и трехъ-четырехълѣтнихъ малышей, во время накормить ихъ, уложить спать. На полу разстилаются широкіе тюфяки, и дѣтвора лежитъ рядкомъ, прикрываясь однимъ общимъ одѣяломъ. Какъ не похоже это времяпрепровожденье въ дѣтскомъ саду на то безцѣльное скитаніе изъ угла въ уголъ, на которое обречены дома дѣти, съ которыми некогда заняться! „Не мѣшай! не лѣзь, отвяжись!“ слышатъ дома дѣти постоянные окрики. Впрочемъ, надо оговориться, что хорошихъ дѣтскихъ садовъ въ настоящее время очень мало и въ Западной Европѣ. Мы привели описаніе дѣтскаго сада лишь для того, чтобы показать, что воспитаніе дѣтей можетъ начинаться съ очень ранняго возраста, и что въ общественномъ дѣтскомъ саду дѣти могутъ проводить время съ громадной пользой для себя и гораздо веселѣе, чѣмъ дома. Если хорошіе дѣтскіе сады возможны и въ настоящее время, то они будутъ гораздо лучше въ соціалистическомъ обществѣ. Такъ какъ въ такихъ садахъ будутъ воспитываться дѣти всѣхъ членовъ общества, то всѣ будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы сады были устроены какъ можно лучше. Изъ дѣтскаго сада дѣти будутъ переходить въ школу. Школа въ соціалистическомъ обществѣ, конечно, не будетъ похожа на теперешнюю школу. Въ будущей школѣ ученики будутъ пріобрѣтать гораздо больше знаній, они будутъ въ то же время пріучаться въ школѣ и къ производительному труду, а главное, школа будетъ не только учить, она будетъ развивать въ нихъ всѣ силы, духовныя и физическія, будетъ воспитывать изъ нихъ полезныхъ, энергичныхъ гражданъ.

Буржуа, котораго не гнететъ забота о томъ, какъ прокормить и выростить дѣтей, который можетъ предоставить въ распоряженіе своихъ дѣтей нѣсколько свѣтлыхъ комнатъ, можетъ доставить имъ всевозможныя удобства, который нанимаетъ для своихъ дѣтей всякихъ мамокъ, нянекъ, гувернантокъ, боннъ, учителей, — можетъ съ негодованіемъ относиться къ общественному воспитанію дѣтей. Женщина-работница не можетъ не оцѣнить всѣхъ благъ общественнаго воспитанія. Материнское чувство заставляетъ ее желать общественнаго воспитанія дѣтей, соціалистическаго строя, побѣды рабочаго дѣла!

IV. Заключеніе.

Мы видѣли, что какъ ни тяжела для женщины работа на фабрикѣ, она имѣетъ и свою свѣтлую сторону: самостоятельный заработокъ освобождаетъ женщину отъ власти мужчины, она дѣлается гораздо независимѣе отъ него. Работа на фабрикѣ имѣетъ и другую свѣтлую сторону: она пробуждаетъ классовое самосознаніе женщины. Пояснимъ, что это значитъ. Поступая на фабрику, женщина видитъ, что ее стараются заставить дѣлать какъ можно больше работы за возможно меньшую плату; пони-

жаютъ расцѣнки, штрафуютъ, обмѣриваютъ. На нее постоянно покрикиваютъ мастера, управляющій, всякое фабричное начальство. Ежедневныя столкновенія пробуждаютъ въ фабричной работницѣ сознаніе того, что ея интересы и интересы хозяина фабрики прямо противоположны: его интересъ заставить ее работать возможно больше за возможно меньшую плату, ея интересъ — работать возможно меньше за возможно большую плату. Кромѣ того, на фабрикѣ женщина-работница становится лицомъ къ лицу съ классомъ предпринимателей и невольно сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ хозяина. Въ рукахъ того вся фабрика, у нея нѣтъ ничего; хозяинъ живетъ въ роскоши, она впроголодь; онъ распоряжается всѣми рабочими, ругаетъ ихъ, разсчитываетъ, ихъ судьба въ его рукахъ — она ждетъ, что можетъ быть каждую минуту выброшена на улицу. Она сознаетъ свое полное безсиліе, свою полную беззащитность противъ хозяина. Каждое мелкое столкновеніе съ мастеромъ, конторщикомъ вызываетъ въ ней горечь притѣсняемаго человѣка, возмущаетъ ее. И она не одинока въ своихъ чувствахъ. Рядомъ съ нею работаютъ сотни другихъ работницъ и рабочихъ въ такихъ же условіяхъ, какъ и она. Все, что затрагиваетъ ее, затрагиваетъ и ихъ, что возмущаетъ ее, возмущаетъ и ихъ. Да и она сама не можетъ относиться спокойно ни къ какой обидѣ, ни къ какой несправедливости, оказываемой кому-нибудь изъ ея товарищей по работѣ. Все это глубоко волнуетъ ее, все такъ понятно ей. Мало по малу она начинаетъ сознавать, что работающія рядомъ съ ней работницы и рабочіе не только ея товарищи по работѣ, они и ея товарищи по духу: у нея съ ними общіе интересы, общія чувства. Они ея товарищи потому, что они рабочіе. Слова: „Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ становятся" все болѣе понятными фабричной работницѣ. При столкновеніяхъ съ фабричной администраціей она видитъ, что товарищи всегда готовы поддержать ее, и она сама готова поддержать ихъ. Эти же столкновенія показываютъ ей, что слабая въ одиночку, она перестаетъ быть слабой, когда дѣйствуетъ за одно съ товарищами. „Въ союзѣ — сила"; она начинаетъ сознавать это все лучше и лучше. Столкновенія во время стачекъ съ полиціей и всякими властями, высылки и преслѣдованія рабочихъ, запрещеніе свободно обсуждать свои дѣла, устраивать союзы выясняютъ работницѣ, что правительство на сторонѣ знатныхъ и богатыхъ, выясняютъ ей необходимость политической борьбы, необходимость добиться того, чтобы рабочіе принимали участіе въ составленіи законовъ и управленіи страной. Женщина начинаетъ мало по малу понимать, что политическая свобода необходима для того, чтобы рабочій классъ могъ какъ слѣдуетъ организоваться, а организоваться ему необходимо, чтобы добиться лучшей доли, безъ организаціи рабочаго класса невозможенъ соціалистическій строй. Такъ по немногу пробуждается въ фабричной работницѣ классовое самосознаніе, Конечно, происходитъ это не вдругъ, для этого нужны иногда годы, не всѣ женщины, работающія на фабрикѣ, въ состояніи одинаково со-

значительно отнестись къ своему положенію, но всё же работа на фабрикѣ подготовляетъ женщину къ борьбѣ за рабочее дѣло, какъ подготовляетъ она къ этой борьбѣ и мужчину.

Австрійскіе пасторы, бельгійскіе и швейцарскіе католическіе священники и многіе добрые господа хлопочутъ о томъ, чтобы закономъ была совершенно запрещена работа женщинъ на фабрикахъ. Они указываютъ на то, что работа на фабрикѣ отнимаетъ женщину у семьи, что фабричная работа вредно отзывается на здоровьѣ женщины. Все это такъ. Они забываютъ только то, что женщину гонитъ на фабрику нужда, и что выброшенныя съ фабрики работницы стали бы искать другого заработка. Онѣ стали бы брать работу на домъ, попали бы въ домашнюю промышленность и были бы вынуждены еще больше надрываться надъ работой. Или же имъ ничего другого не оставалось бы, какъ зарабатывать средства существованія продажей самихъ себя. Эти добрые господа жалѣютъ работницу, но они совершенно не понимаютъ ея положенія и не видятъ освободительнаго вліянія фабричной работы на женщину. Борьбу за рабочее дѣло они считаютъ зломъ и думаютъ, что будетъ гораздо лучше, если женщина будетъ сидѣть въ своемъ углу и не принимать никакого участія въ рабочемъ дѣлѣ. Сами женщины-работницы смотрятъ на дѣло иначе. Онѣ высказываются **противъ запрещенія** женщинамъ работы на фабрикѣ.

Женщины получаютъ обыкновенно болѣе низкую плату, чѣмъ мужчины. Поэтому фабриканты очень охотно вводятъ на своихъ фабрикахъ женскій трудъ, иногда замѣняютъ мужской трудъ женскимъ. Вотъ почему многіе рабочіе желали бы запрещенія закономъ работы женщинъ на фабрикахъ: они видятъ въ женщинахъ опасныхъ конкуррентовъ, которые сбиваютъ цѣны на трудъ, предлагая свой трудъ за такую плату, на которую нельзя просуществовать. Но что же было бы, если бы рабочіе добились такого запрещенія? Удалось-ли бы имъ занять мѣста выброшенныхъ женщинъ? Нѣтъ. Фабриканты никогда не согласились бы замѣнить прежній дешевый женскій трудъ болѣе дорогимъ мужскимъ. Мы знаемъ изъ исторіи фабричнаго законодательства, что когда законъ ограничилъ работу дѣтей, фабриканты не замѣнили дешевый дѣтскій трудъ болѣе дорогимъ трудомъ взрослыхъ: они ввели новыя усовершенствованныя машины, при помощи которыхъ могли обходиться безъ дѣтскаго труда. То же было бы, если бы законъ запретилъ и женскій трудъ. Фабриканты ввели бы новыя машины, и мужчины выиграли бы очень мало. Нѣтъ, для того, чтобы помѣшать женщинамъ сбивать цѣны, мужчины должны требовать не законодательнаго запрещенія фабричнаго труда женщинъ, а того, чтобы за равный трудъ была установлена и равная заработная плата для мужчины и женщины. Тогда фабриканту не будетъ никакого основанія предпочитать женскій трудъ мужскому. Теперь фабриканты предпочитаютъ женскій трудъ мужскому не только потому, что женскій трудъ болѣе дешевъ, но и потому, что женщины уступчивѣе, податливѣе муж-

чинъ, фабриканты могутъ эксплуатировать ихъ, сколько душѣ угодно. Поэтому мужчины должны помогать женщинамъ организоваться, будить въ нихъ классовое самосознаніе, такъ какъ сознательныя, организованныя женщины будутъ менѣе податливы на требованія фабрикантовъ, не дадутъ вить изъ себя веревокъ.

Но если женщина-работница не можетъ желать запрещенія женскаго фабричнаго труда, она не можетъ не желать фабричнаго законодательства, охраняющаго жизнь, здоровье и интересы работницъ.

На международномъ конгрессѣ 1897 г. въ Цюрихѣ (въ Швейцаріи) собрались представители отъ рабочихъ союзовъ всѣхъ странъ. Они обсуждали вопросы объ охранѣ труда во всѣхъ странахъ и по вопросу объ охранѣ женскаго труда постановили всюду и вездѣ добиваться:

1) Всесторонней и дѣйствительной законодательной охраны всѣхъ работницъ и всѣхъ служащихъ женскаго пола въ крупной и мелкой промышленности, въ ремеслѣ, торговыхъ заведеніяхъ, на почтахъ, телеграфахъ, телефонахъ, желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и пр., а также въ домашней промышленности. Дѣйствительной охраны, т. е. такой, которая существовала бы не только на бумагѣ, но и исполнялась бы на дѣлѣ. А для этого нужно установленіе строгихъ наказаній для фабрикантовъ за неисполненіе закона и назначеніе достаточно многочисленной и независимой фабричной инспекціи, которая слѣдила бы за исполненіемъ закона.

2) Конгрессъ постановилъ добиваться прежде всего, чтобы рабочее время для всѣхъ работницъ и лицъ женскаго пола не превышало 8 час. въ день и 44 час. въ недѣлю. Въ субботу работа должна кончаться въ 12 час. дня, такъ чтобы работницамъ былъ обезпеченъ отдыхъ съ субботы до понедѣльника, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 42 часовъ.

3) Предпринимателямъ должно быть строго воспрещено по окончаніи работы въ мастерской давать работницамъ и служащимъ женскаго пола еще работу на домъ.

4) Роженицы не должны быть занимаемы промышленнымъ трудомъ до и послѣ родовъ въ общей сложности въ теченіе восьми недѣль, — послѣ родовъ, во всякомъ случаѣ, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе шести недѣль. Въ законѣ должны быть указаны тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ работа беременныхъ женщинъ не можетъ быть допускаема. Во время перерыва въ трудѣ по причинѣ беременности работница должна получать отъ государства или отъ общины вознагражденіе, которое ни въ какомъ случаѣ не должно быть ниже ея обычной заработной платы.

5) Для сельскихъ работницъ и женской прислуги должны быть составлены особенные охранительные законы, которые ограждали бы ихъ интересы не хуже, чѣмъ интересы другихъ категорій работницъ.

6) Конгрессъ требуетъ для женщинъ за одинаковую работу одинаковую плату съ мужчинами.

* * *

Какъ же будутъ рабочіе добиваться исполненія требованій конгресса? Они будутъ обсуждать открыто въ печати и на собраніяхъ эти вопросы, будутъ посылать петиціи въ парламентъ (петиція — прошеніе за подписью многихъ лицъ, иногда нѣсколькихъ сотенъ тысячъ), представители рабочихъ будутъ требовать въ парламентѣ изданія соотвѣтственныхъ законовъ — и такимъ образомъ добьются исполненія постановленій конгресса.

У насъ въ Россіи нельзя открыто обсуждать вопросы о положеніи рабочихъ, нельзя подавать петицій, нѣтъ у насъ парламента. Отъ правительства рабочимъ ждать исполненія требованій конгресса было бы смѣшно. Каждый законъ въ пользу рабочихъ рабочіе должны брать съ бою, какъ взяли они съ бою законы 1885 и 1897 гг., но и разъ данные законы постоянно обходятся и не исполняются. Чтобы добиться дѣйствительной охраны труда, рабочимъ нужно завоевать политическую свободу, какъ завоевали себѣ ихъ братья, европейскіе рабочіе. Политическая борьба — вотъ тотъ путь, которымъ рабочіе могутъ добиться существеннаго улучшенія своего положенія. Въ борьбѣ за отстаиваніе лучшихъ условій труда, за политическую свободу, за лучшее будущее рука объ руку съ мужчиной-рабочимъ пойдетъ и женщина-работница.

Библиотека Ленина

ЦѢНА: 10 коп.